

«Я всегда хотел быть свободным...»

запись беседы корреспондента журнала «Нефтяное хозяйство» с В.Н. Щелкачевым

Беседа с Владимиром Николаевичем Щелкачевым планировалась к юбилею журнала и состоялась 8 декабря 2004 г. незадолго до кончины ученого. По нашему замыслу старейший член редколлегии должен был поделиться своими воспоминаниями о работе в журнале, об истории развития нефтяной промышленности, прогнозами. Гражданская и научная позиция Владимира Николаевича была жесткой и бескомпромиссной, он шел на спор чаще, чем оставался в стороне от него. До сих пор ученая среда делится на его сторонников и оппонентов, но, мы надеемся, что всех их объединяет общая высокая оценка ушедшего от нас Человека, Ученого и Гражданина. А эта беседа превратилась в духовное завещание Владимира Николаевича.

Щелкачев Владимир Николаевич (1907 – 2005) – математик, крупнейший ученый в области разработки нефтяных месторождений, профессор, лауреат Государственной премии СССР.

После окончания Московского университета в 1928 – 1930 гг. работал в Государственном исследовательском нефтяном институте (ГИНИ) под руководством Л.С. Лейбензона. В 1930 – 1932 гг. был репрессирован. С 1932 г. преподавал в Грозненском нефтяном институте. В течение 10 лет проводил исследования в области подземной гидродинамики и теории разработки нефтяных месторождений, защитил первую в стране докторскую диссертацию по проблемам разработки (1941). В 1943 г. вывел основные дифференциальные уравнения движения упругой жидкости в упругой пористой среде. С 1944 г. по приглашению Н.К. Байбакова работал в группе по интенсификации нефтедобычи, с 1946 по 2005 г. преподавал в Московском нефтяном

институте им. И.М. Губкина (сейчас – РГУ нефти и газа), в разное время возглавлял созданные им кафедру теоретической механики и лабораторию по изучению и обобщению зарубежного опыта нефтедобычи. Автор многих научных монографий. В.Н. Щелкачев был награжден многими орденами СССР и отмечен многими почетными званиями.

В.Н. Щелкачев опубликовал в журнале «Нефтяное хозяйство» в 1930 г. первую статью, а затем более 50 лет был членом редколлегии и до конца жизни принимал активное участие в издании журнала.

Появление моей первой статьи в «Нефтяном хозяйстве» имеет свою интересную предысторию. Дипломный проект, над которым я работал целый год, назывался «Вариационные принципы механики» и был чисто математическим. Это один из самых интересных отделов аналитической механики. 18 мая 1928 г. я защитил его и получил высшую оценку. Над дипломом я работал с величайшим интересом. В то время я изучал три языка - немецкий, французский, английский. Правда, это не значит, что я ими владею, но моих познаний хватало, чтобы в подлиннике читать классиков механики. Леонид Самуилович Лейбензон, мой будущий руководитель, и академик Некрасов дали хвалебный отзыв и предложили поступить в аспирантуру Московского университета. За меня

подали заявление в Институт математики и механики при университете. В начале июня было заседание Ученого совета. Секретарь совета сказал, что меня единогласно утвердили аспирантом отделения теоретической механики.

Я уехал во Владикавказ к матери, на каникулы. Вернулся и застал записку: «Явиться в институт». В это время там проходила чистка под лозунгом «пролетаризации высшей школы». По представлениям того времени в институтах должны были учиться дети рабочих и крестьян, это же касалось и профессоров. От внутренней чистки меня спасло то, что я, не будучи комсомольцем и членом партии, был «общественником»: несколько раз в неделю на общественных началах дежурил в библиотеке математического отделения. Когда я пришел на

«чистку», члены комитета комсомола дружно вступили за меня как за «большого общественника».

Казалось, что гроза миновала. Но ученый секретарь сказала, что из Наркомата просвещения затребовали список всех принятых аспирантов, а после его получения приказали исключить меня из этого списка. Дело в том, что в Наркомпросе получили письмо, якобы от студентов Московского университета, в котором говорилось, что я по своему социально-классовому происхождению не достоин учебы в аспирантуре.

Я сразу догадался, что автором был некий Хворостин, мой университетский однокурсник. Нужно сказать, что я поступил в университет в 15 лет (не потому, что я какой-то особенно одаренный, просто шла гражданская война, и приходилось за год осваивать программу нескольких классов), в то время Хворостину был 21 год. Он прошел рабфак, состоял в партии, даже возглавлял партийную организацию математического факультета и был погружен в общественно-политическую работу, а я, вчерашний гимназист, - в учебу. В один прекрасный день (мы уже учились на четвертом курсе) Хворостин подошел к моему другу, который учился хорошо и часто беседовал с преподавателями, и предложил ему выяснить отношение профессоров к линии пролетаризации и, вообще, к Советской власти. Мой друг откасался и сказал: «Катись ливером» (тогда было такое хулиганское выражение). Узнав об этом, я сказал, что Хворостин - подлец! Я прекрасно понимал и понимаю, что в государстве должно быть полицейское управление, страна должна заботиться о своей безопасности, но предлагать частному человеку следить за окружающими, доносить на своих учителей, обрекая тем самым их на гибель, - недопустимо. Поэтому я выразил свое мнение громко, ему передали и на следующий день мы уже не кланялись друг другу. Узнав о письме в Наркомпрос, я вспомнил об этой истории.

Я был потрясен: мне хотелось быть аспирантом, учиться, но мне отказывали в этом. Тогда я пошел за советом к своему учителю механики, который сказал, что у него есть большой друг - крупный ученый Леонид Самуилович Лейбензон, который по поручению И.М. Губкина в это время набирал «универсантов» во вновь создаваемый Государственный исследовательский нефтяной институт - ГИНИ. В этом институте, кроме геологического отделения, возглавляемого академиком Архангельским, самым крупным геологом того времени, и химического, возглавляемого С.С. Наметкиным, тоже будущим академиком, был отдел промыслово-заводской механики - под руководством Л.С. Лейбензона. После моего обращения Леонид Самуилович подтвердил, что готов взять меня к себе.

В тот период Л.С. Лейбензон был озабочен воплощением одной, по-моему, гениальной и в то время новой идеи, которая заключалась в следующем: науку должны развивать совместно инженеры и ученые. Сам он был одновременно профессором Горной академии и университета, поэтому, когда И.М. Губкин поручил ему собрать новый исследовательский коллектив, Леонид Самуилович пригласил лучших выпускников академии, горных инженеров, которые мало знали математику, и взял чистых математиков из университета, которые ничего не знали о нефти. В этой группе были люди, которые стали впоследствии крупными учеными.

Хочу сказать несколько слов о Л.С. Лейбензоне. Это был человек благородный и объективный во всех отношениях. И

В.Н. Щелкачев. 1923 год

хотя я его очень хорошо знал, он продолжал меня удивлять вплоть до последних своих дней. Я был у него в последний вечер перед его смертью и чувствовал близость его кончины. Я не писал, как обычно, формул на доске, мы сидели и просто беседовали. А на следующий день его жена, Софья Андреевна, позвонила мне и сообщила о смерти моего учителя. В разговоре она передала пожелание Леонида Самуиловича: быть отпетым в православном храме. Эта просьба вызвала мое мягкое недоумение: какой храм, если усопший - еврей? Оказалось, что еще в 1911 г. он принял православие. Об этом Леонид Самуилович никому не говорил, так как боялся, что его обвинят в том, что он стал православным, чтобы избежать притеснений в карьере. О религии я никогда не говорил со своим учителем, так как я, человек верующий и никогда не скрывающий этого, не мог предположить, что Леонид Самуилович - тоже православный. Его жена передала, что ее покойный супруг хотел, чтобы его отпели в Храме Ризоположения, что на пересечении улиц Донской и академика Петровского на Шаболовке. Я заказал панихиду, ее отслужили. Софья Андреевна просила, чтобы этот факт не получил огласки. Она боялась возможных последствий: их могли выселить из квартиры. В этом же храме потом отпевали и саму Софью Андреевну, и их дочь Татьяну.

Итак, моя работа в нефтяной науке началась с того, что Леонид Самуилович давал задания проинтегрировать какое-нибудь уравнение. Для чего это было нужно, я не всегда представлял, но чувствовал, что это часть какой-то большой работы. Постепенно, и это главное, Леонид Самуилович навел меня на одну тему, которая формулировалась очень просто. По большой трубе подавался мазут на Московскую электростанцию (ту, что стоит напротив гостиницы «Россия»). Мазут - вязкое вещество и течет по трубе только в разогретом состоянии. Разогревал его горячий газ, который прокачивался по малой трубе, заключенной в большую трубу с мазутом. Если трубы расположены концентрично, или коаксиально, т.е. по одной оси, то математическая задача довольно проста: как течет жидкость по кольцевому пространству было уже известно. Однако в практике такое концентричное расположение было невозможно, так как малая труба ложилась, и ось смещалась. Расположение труб становилось эксцентричным, и математическая задача существенно усложнялась. Для ее решения мне приходилось привлекать сферические функции, которых в университете мы не проходили, и брать их интегралы. Два года я бился над этой задачей, часто работал по ночам, но все-таки решил. Леонид Самуилович был очень доволен и сказал, что я должен представить две работы: одну - в «Труды ГИНИ», другую, короткую и более популярную, - в «Нефтяное хозяйство». В последней необходимо было наглядно, с помощью графиков, показать, что вытекает из решения этой задачи, и как меняется расход жидкости. Эти статьи я представил.

Но судьбе было угодно, чтобы я из начинающего математика-нефтяника превратился в «земского математика». Однажды, еще до всех моих злоключений, Л.С. Лейбензон вызвал меня к себе и рассказал, что к нему приходил секретарь партийной организации института (который, кстати, очень напоминал Хворостина). В парткоме были недовольны тем, что я систематически не принимал участия в демонстрациях.

Леонид Самуилович просил объяснить причину такого поведения, потому что ему как моему руководителю приходилось нести ответственность за своего подчиненного.

Последняя демонстрация проходила под лозунгом «Смерть вредителям!» и была связана со знаменитым «шахтинским делом», когда была репрессирована большая группа советских инженеров с дореволюционным стажем работы. Я, несмотря на молодость, знал многих осужденных, считал их достойными людьми и первоклассными специалистами и не хотел участвовать в том, чего не поддерживал. Все это я объяснил Леониду Самуиловичу. Нужно было что-то предпринимать, чтобы избежать ненужных последствий.

В это время я работал по совместительству ассистентом у своего университетского научного руководителя, который заведовал кафедрой теоретической механики энергетического факультета Института народного хозяйства им. Плеханова. В сложившейся ситуации я решил перейти туда на постоянную работу. В ГИНИ я написал заявление об уходе, но поскольку я не отработал положенных трех лет, а только два с половиной года, для решения моей судьбы собрался местком. На нем председательствовал секретарь парторганизации, которого все звали Валерка. Он, естественно не упоминая о демонстрациях, спросил меня о причинах ухода. Я, также избегая этой темы, объяснил, что почувствовал тягу и способность к педагогической деятельности. Тогда он спросил у Л.С.Лейбензона как у моего руководителя нужен ли я ему как специалист. Леонид Самуилович вдруг ответил, что я совершенно бесполезен. Я был еще, в сущности, мальчишкой, дурачком, конечно, обиделся и ушел, даже не попрощавшись. Должно было пройти время, чтобы я понял, что таким образом мой опытный учитель спасал меня от надвигающейся угрозы.

Прошло время. Я уже отсидел в тюрьме, совершенно по другому делу, и был сослан в Алма-Ату, где преподавал. Там в книжном магазине я купил новую книжку Л.С. Лейбензона «Нефтепромысловая механика». В первой части книги целый параграф был посвящен тематике, которой занимался я. Леонид Самуилович описывал решенную мной задачу и указывал на меня, как на автора этого решения. Он не побоялся меня, человека осужденного по 58-й статье, «врага народа», назвать своим учеником. Меня это тронуло до глубины души.

Закончился год моей ссылки, я вернулся в Москву и стал искать работу. В Наркомпросе мне предложили работу на кафедре теоретической механики или в Грозненском нефтяном институте, или в Воронежском университете. Я как выпускник университета больше склонялся к Воронежу. Зашел в гости к Леониду Самуиловичу, который буквально с порога сгрел меня в охапку, и без слов стало понятно его истинное отношение ко мне. Учитель стал расспрашивать о моих планах и очень удивился, когда узнал, что я собираюсь в Воронежский университет.

- Как в Воронеж? Почему? – удивился Лейбензон. - Чем Вы занимались в Алма-Ате?

- Преподавал, - ответил я.

- А наукой занимались? – напирал он.

- Нет, я был земским математиком.

- Что за специальность такая?!

Эту специальность я придумал по аналогии с земским врачом, который являлся и хирургом, и терапевтом, и вообще - был мастером на все руки. Дело в том, что когда я приехал в Алма-Ату, там было три вуза: ветеринарный, сельскохозяйственный и педагогический. Ссылные подсказали мне, что как раз в педагогический нужен преподаватель теоретической

механики. Я смело пошел туда. В пединституте меня встретил очень вальяжный человек, проректор, некий Баталов.

В небольшой комнате, где сидело еще два человека, произошел наш недолгий диалог:

- Вам нужен преподаватель теоретической механики?

- Да, а что Вы заканчивали?

- Московский университет.

- По какой специальности?

- Теоретическая механика.

- Где работали?

- На кафедре теоретической механики Института народного хозяйства.

- Как оказались у нас?

- В ссылке.

- По какой статье?

- Пятьдесят восьмой.

- Как пятьдесят восьмой?! И Вы решились после этого прийти в институт, где готовят педагогов?! Как Вы додумались до такого?!

Я ушел ни с чем. На мое счастье в городе только что был организован учетно-экономический техникум Госбанка, где нужно было учить людей математике. Я пошел туда.

Директором техникума был украинец Андрей Алексеевич Килько. Я первым делом сказал ему о своем положении ссыльного. Он спросил, могу ли я преподавать?

- Где угодно, - ответил я.

- Ну, раз так, то мне нет никакого дела до того, что Вы - ссыльный, - и принял меня.

Московская культурная закуска тогда очень помогла мне. Ведь в свое время я читал книги Булгакова, Флоренского, Ильина. Это философы, которые в то время уже были запрещены. Чтобы было интересно, я преподавал математику с помощью истории. Если речь шла о Пифагоре, то я сначала рассказывал о нем, потом об Евклиде и так далее. Почти все студенты были из казахских аулов, но они очень внимательно меня слушали. Через полгода директор напомнил мне, что техникум учетно-экономический, а студенты увлекались только математикой. Слава о моем преподавании облетела весь тогда еще небольшой город.

Как-то в конце учебного года в техникуме меня разыскал человек. Он терпеливо дождался окончания моих занятий и очень вежливо передал мне приглашение ректора пединститута перейти на работу к нему. Я, естественно, воспроизвел гостю разговор с Баталовым, но он настаивал, что это – слова ректора.

На встрече ректор Алванов, казах, сказал, что наводил справки в нужном месте, и я могу преподавать в пединституте.

- Однако я не могу принять Вас в штат только как преподавателя теоретической механики, - сказал ректор, - не хватает штатных часов занятий. Вот если бы Вы взяли читать еще аналитическую геометрию.

- Аналитическую геометрию я слушал в университете и очень ее любил, - невозмутимо ответил я.

- А Вы бы смогли читать дифференциальные интегральные исчисления?

- Смог бы.

- А астрономию?...

Так я стал преподавать четыре предмета, плюс еще главы теоретической физики.

В этих условиях ни о какой научной работе речи идти не могло, так как приходилось много времени тратить на подготовку к занятиям – ведь я никогда не преподавал, хотя и знал эти предметы. Так было, когда я работал в техникуме, так же

было и в пединституте. Там работало много преподавателей, не имеющих высшего образования, и я, выпускник Московского университета, не мог ударить лицом в грязь. Поэтому, например, я брал телескоп и по ночам на крыше изучал Луну, Марс, их спутники и прочее. В итоге селенографию (географию Луны) я знал лучше, чем географию. Вот почему я назвался «земским математиком».

Но вернемся в квартиру Л.С. Лейбензона.

- Что Вы будете делать в Воронеже? - возмущенно спрашивал Леонид Самуилович, - Вам нужна тема для научной работы. Вот езжайте в Грозный, работайте, вникните в это дело, и тема определится сама собой.

Я послушал его и поехал, ничего не зная о разработке нефтяных месторождений. Мое незнание было настолько велико, что я зашел в книжный на Тверской и, что-то слышав про нефтяные фонтаны, купил книгу о садовых фонтанах. Но я знал, что я – ссыльный и должен много работать, чтобы чего-то достичь.

В Грозном я с головой окунулся в промысловую работу, изучал всю доступную нефтяную литературу, как студент. Но у меня не было столько времени, как у студентов, мне приходилось быстро «проглатывать» книги Муравьева, Крылова, Требина, Газиева, Богдасарова, других бакинских и грозненских нефтяников. Инженеры-промысловики меня любили, так как я им помогал делать математические расчеты, они же объясняли мне практические вопросы нефтедобычи. В Грозном тогда работали очень сильные геологи. Они первые в мире поняли, что нефть течет в пласте и фонтанирует не под воздействием газа, как считали американцы, а под воздействием воды. Так я стал заниматься проблемами гидродинамики нефтяного пласта и нашел свою тему. Через пять лет после моего дебюта в «Неф-

г. Грозный 15.11.1938

тяном хозяйстве» мое сотрудничество с журналом возобновилось. Я написал несколько статей, в которых делился результатами работы [Щелкачев В.Н. Об одном случае движения нефти к скважине при гидравлическом режиме//Нефтяное хозяйство. - 1935. - № 10. - С. 57; - № 12. - С. 33; Щелкачев В.Н. Гидромеханическая теория флюдинга и репрессии//Нефтяное хозяйство. - 1936. - № 4. - С. 28; - № 6. - С. 31; Щелкачев В.Н. Гидродинамический анализ одного из методов определения потенциальных и оптимальных возможностей скважины//Нефтяная промышленность. - 1940. - № 6. - С. 52; Щелкачев В.Н. О режимах фильтрации//Нефтяная промышленность. - 1940. - № 7. - С. 45. - прим. редакции]. Так я

начал нефтяную карьеру и по-настоящему увлекся нефтью.

В следующий раз с журналом я столкнулся, когда был приглашен в Москву, в которой мне до этого было запрещено жить. Шла война, и по распоряжению Государственного Комитета Обороны была создана группа по интенсификации добычи и нефтеотдачи. Руководителям отрасли – И.К. Седину и Н.К. Байбакову – была известна моя уникальная работа, они послали запрос в Грозный и меня пригласили в эту группу.

Я неслучайно сказал «уникальная». Она была действительно такой, и не потому, что я такой выдающийся, а потому, что сложилась уникальная обстановка для промысловых исследований. Немцы перерезали линию Грозный – Ростов. Нефть нельзя было вывозить. Добычу сократили, а скважины стали останавливать. И то, что недопустимо в мирной жизни, стало возможным во время войны. Я добился через обком партии того, что мог по своему желанию запускать и останавливать скважины. Я подготовил диссертацию и сдал в издательство «Недра». Но в условиях военного времени в 1942 г. издательство закрыли, и набранную диссертацию «рассыпали». И только, когда мне исполнилось 80 лет, мою докторскую диссертацию опубликовали.

Пока я добирался в Москву, наркомом стал Н.К. Байбаков. Я начал работать при Наркомате. Все знали, что я – «враг народа». И первое время ко мне относились с некоторым подозрением.

Когда была составлена Генеральная схема разработки Ромашкинского месторождения, то Лаврентий Павлович Берия, курировавший в ЦК и Политбюро топливные отрасли промышленности, прислал письмо, в котором приказывалось провести экспертизу схемы профессорам Ивану Михайловичу Муравьеву и Владимиру Николаевичу Щелкачеву. Конечно, Берия не знал меня лично, и я его, к счастью, - тоже, но в ЦК работали мои ученики - Злотников, Беленький, еще кто-то, которые порекомендовали меня всесильному функционеру. Он всех тонкостей моей биографии не знал и согласился. Предложенная схема разработки требовала 4,5 млрд. руб. по курсу 1950 г. (по современному курсу – 4,5 трлн. руб.) – огромная цифра. Меня освободили на два месяца от всех занятий, чтобы я принялся за расчеты. Я работал в спецчасти, откуда не мог вынести ни одной бумажки. Все расчеты делались там.

Не буду возвращаться к моей оценке Генеральной схемы, так как уже много об этом писал. Тогда, в начале 50-х годов прошлого столетия, известная дискуссия по принципам разработки месторождений, которая отняла у меня много сил и энергии, только начиналась, и каждая из сторон была уверена в своей правоте.

После Ромашкинского месторождения был Самотлор. Когда я приехал в Сибирь, там руководил В.И. Муравленко,

мой ученик по Грозному. Он мне показал документы по разработке. После двух недель изучения документации я сказал следующее: «Виктор Иванович, Вы и Ваши сотрудники заслуживаете звания Героев, только они могут сделать то, что сделали и делаете вы в условиях тайги и вечной мерзлоты. Но, Виктор Иванович, завтра вы провалите добычу, скоро она неминуемо упадет. Вы недостаточно бурите скважин, заботитесь только о количестве и не заботитесь о нефтеизвлечении [коэффициент нефтеизвлечения. - НХ]». В.И. Муравленко позвонил П.П. Галонскому и предложил ему пригласить меня для доклада в Госплан.

В Госплане я впервые сказал, что к середине 70-х годов добыча в СССР, и в частности в Западной Сибири, резко упадет. После этого мне предложили на экспертизу схему разработки Самотлора. Я отказался, так как помнил, что после отрицательного отзыва о схеме Ромашкинского месторождения некоторые ученые называли меня «врагом науки». Я одно время был «врагом народа» и быть дважды «врагом» не хотел. В общем – я отказался.

Хотя практика показывала мою правоту. Внедрять схему разработки на Ромашкино приходилось Ренату Муслимову, который до сих пор является членом редколлегии нашего журнала. Тогда он был главным геологом «Татнефти». Это – хороший, грамотный специалист и очень дипломатичный человек. Он приезжал в Министерство и говорил, что «схема – гениальная, очень заме-

чательная и правильная, но вот на такой-то площади необходимо пробурить еще порядка 500 скважин». Заместитель министра Ерофеев, слушая такие хвалебные отзывы, не мог отказать, и разрешение на бурение давалось. Проходило полтора – два года, Р.Х. Муслимов приезжал еще раз, докладывал о «великих» успехах, но опять вставлял: «На этой площади для развития успеха требуется еще 300 скважин». И так продолжалось несколько раз. В итоге схема разработки Ромашкино в корне изменилась. Специалисты «Татнефти», внешне соглашаясь с утвержденной схемой, по сути, проводили схему, предложенную мной.

Хотя падения добычи избежать не удалось, ситуация в Татарии сложилась достаточно благоприятно, и не только из-за дипломатической способности местных специалистов. Во главе Татарского обкома КПСС долгое время находился нефтяник Сергей Львович Князев. Я помню, что он слушал мои лекции в 1934 г., был трудолюбив и талантлив. Возглавляя обком и понимая проблемы нефтяников, он соглашался на все преобразования. В Татарии не было такого нажима сверху, как, например, в Сибири.

Сейчас, на закате жизни, хотел бы отметить потрясающее для меня явление. Я никогда не думал, что доживу до 97 лет и увижу то, как воплотятся мои идеи. С 50-х годов, т.е. с начала дискуссии по проблемам разработки, прошло полвека, и

02.06.1960. Строительство МИНХ и ГП

я имею возможность наблюдать состояние наших старых месторождений – Ромашкинского и Туймазинского, самого крупного - Самотлорского. Для меня это великое счастье!

В 1952 г. меня ввели в редакционную коллегию журнала «Нефтяное хозяйство». Я активно включился в работу. Из моих 308 опубликованных работ 55 вышли в «Нефтяном хозяйстве». Почему не все мои работы публиковались в нашем журнале? Дело в том, что я боялся, чтобы меня не заподозрили в злоупотреблении членством в редколлегии.

Как вы знаете, журнал был организован в 1920 г., когда Россия добывала чуть более 20 млн. т нефти в год, 31 млн. т – максимум 1941 года. Журналом проделана огромная работа. В Америке существовало 4 – 5 журналов нефтяной тематики, у нас, по существу, – один. Кроме публикаций в журналах в США ежегодно проводились конференции, наш же журнал проводил дискуссии на своих страницах.

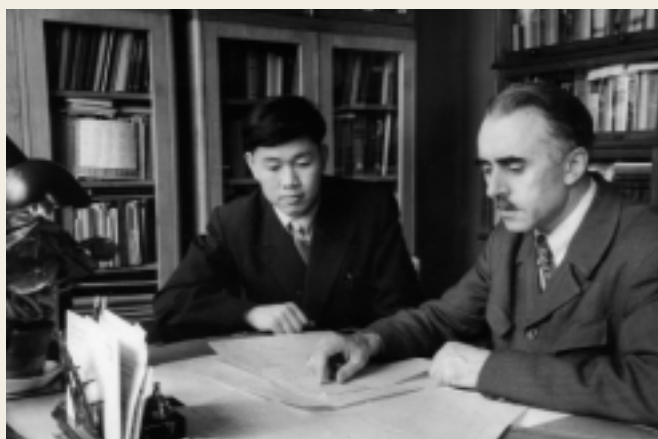
Журнал отражал все стадии становления социалистического метода хозяйствования. Хотел бы два слова сказать об этом. Так сложилось, что промышленная нефтедобыча стала развиваться в Америке, которая долгое время держала первенство в этой отрасли. В 1899 г. бакинские нефтяные фонтаны позволили России выйти на первое место. Это первенство продолжалось всего три года, пока в США варварски не разбурили новое гигантское по тому времени месторождение. Его нефтяные фонтаны позволили сделать рывок, хотя само месторождение было загублено. К чему я это говорю: американская система хозяйствования позволяла нефтедобыче развиваться рывками. В США пики добычи сменялись глубоким спадом. У нас в стране после установления социалистической системы хозяйствования нефтедобыча развивалась поступательно.

Новое, социалистическое, плановое нефтяное хозяйство было создано И.М. Губкиным – талантливым ученым, организатором, коммунистом с дореволюционным стажем. Я считаю, что социалистический способ хозяйствования прекрасен. Плохо было то, что в государственных органах работало много людей, которые портили социалистическую систему, но сама по себе она замечательна и как нельзя лучше подходит для нефтяной и газовой промышленности.

Журнал возглавляли очень известные и компетентные люди, которые смогли исполнить главную задачу журнала – продвижение научно-технического прогресса в нефтяном хозяйстве. И.М. Губкин, как дальновидный человек, выбрал редактором Владимира Николаевича Якубова, который не был нефтяником, но был очень эрудированным человеком. В.Н. Якубов смог привлечь С.С. Наметкина, А.Д. Архангельского, Л.С. Лейбензона и «поднял» журнал. Я уже писал о том, что познакомился с первым редактором «Нефтяного хозяйства» в тюрьме и хорошо представлял себе работу журнала тех лет.

Значение журнала сегодня очевидно, но я просил бы не сбрасывать со счетов тот огромный запас информации, который содержится в номерах прошлых лет. Ведь это – основа современной науки. Один из создателей реологии (науки о течении жидкости), еврейский ученый Рейнер, писал, что реология – наука иерархическая, от решения простых проблем к более сложным, но простейшие решения входят в современный комплекс знаний. Идея о том, что незнание истории приводит к повтору ее ошибок, может быть дополнена и в части истории науки и техники. Это касается как технических ошибок, так и нравственных.

История нефтяной науки полна незаслуженно забытыми именами. Например, почему-то считают, что авторство

Ли Юн Шан (студент, затем аспирант из Китая) в домашнем кабинете В.Н. Щелкачева

использования технологии законтурного заводнения в Туймазах принадлежит группе Александра Петровича Крылова. А ведь это не так. При всех наших разногласиях с Крыловым я считаю его крупным ученым, но первым предложил разрабатывать Туймазы таким способом Геннадий Константинович Максимович. В сентябре 1944 г., когда там зафонтанировала скважина, Н.К. Байбаков, зная, что у Г.К. Максимовича в Уфе эвакуированная жена, предложил ему съездить в Башкирию, проанализировать состояние месторождения и сделать предложение по способу его разработки. Я присутствовал при отчете Максимовича, когда он сказал, что Туймазы необходимо разрабатывать с применением законтурного заводнения (письменное подтверждение моих слов можно найти в статье В.А. Каламкарова в одном из сборников «Ветераны», которые, кстати, тоже издает «Нефтяное хозяйство»). И только после предложений Геннадия Константиновича ВНИИ было дано задание составить схему разработки Туймазинского месторождения, ориентируясь на законтурное заводнение.

Возвращаясь к оценке журнала, скажу, что замечательными были и рядовые работники редакции. Чувствовалось, что они вкладывали всю душу в работу. Например, когда-то редактором работала Нина Владимировна Романова. Она часто докладывала на заседаниях редколлегии. Она поражала меня своей вдумчивостью и деликатностью. Даже когда она отказывала автору в публикации, делала это очень деликатно. К сожалению, работа рядовых сотрудников долгое время не замечалась. Лишь когда журнал возглавил Лев Дмитриевич Чурилов, появилось то, чего раньше никогда не было: на развороте журнала стали публиковаться имена не только первых лиц, но и всех сотрудников, которые работают над номером. Это величайшая заслуга Льва Дмитриевича.

Я помню случай, когда принес в журнал статью о жизни крупного ученого-геолога, внесшего большой вклад в разработку куйбышевских месторождений, Александра Ивановича Губанова. Редакция журнала не приняла ее. Мне сказали, если мы будем писать о нефтяниках, то не хватит места для их статей. Сейчас ситуация кардинально изменилась. Несмотря на то, что журнал выходит в условиях рынка, на его страницах можно прочесть о ветеранах отрасли. Мне это очень нравится, так как я знаю почти всех крупных нефтяников.

Эпиграф нашего журнала «Нефтяное хозяйство» звучит так: «Без светоча науки и с нефтью будут потемки». А сейчас нефть не только освещает, ее переработка дошла до глубо-

В.Н. Щелкачев и В.И. Грайфер на презентации книги Щелкачева

ких стадий, и нефтепродукты нашли применение во многих отраслях, ранее не мыслимых. Это я говорю как человек, живший в самом начале нефтяной эры. Сейчас нефть является основной составляющей бюджета страны, это понимают даже школьники. И я задаюсь важным вопросом: «Кто мы - хищники, расточители?» С одной стороны, да, так как мы добываем больше, чем приращиваем разведкой. Но с другой – иначе. Страна находится в сложном политическом и экономическом положении, и в мире положение достаточно сложное. В такие острые моменты приходится идти на компромиссы, т.е. страну надо выручать. Лучше это сделать за счет того, что идет само в руки, за счет того, что дает природа. У нас нет выхода. Здесь важно иметь разработанную государственную программу развития добычи нефти на ближайшие годы, чтобы народ знал - сейчас мы живем за счет недр, так будет, допустим, до 2015 – 2020 гг., а дальше мы не сможем добывать столько. Народ и государство должны знать это, осознавать и готовиться к этому.

Планы и программы сейчас составляются в большом количестве. В 2000 г. я писал свою последнюю книгу. Тогда мы добывали чуть больше 300 млн. т нефти в год, а различные программы планировали довести добычу к 2015 г. в 400 млн. т. Это же полная ерунда. Ведь мы сегодня, через 5 лет, добываем 467 млн. т, уже фигурирует цифра 500 млн. т. Этот рост допустим, если укладывается в намеченную программу, составленную компетентными людьми. Подчеркиваю – компетентными.

У нас часто считают, что самые компетентные люди – в Академии наук. Это неверно. Учтите, выдающиеся академики - Капица, Раушенбах, Новиков, Арцимович (ученые с мировыми именами) - не стесняясь, писали лет 10 - 15 лет назад о том, насколько «засорена» у нас академия. В 80-х годах

существовала практика избирать в члены академии членов Политбюро ЦК КПСС. Возьмите недавно умершего Гейдара Алиева, Президента Азербайджана, он был членом Политбюро и очень влиятельным человеком. Он курировал науку. И, когда начинались выборы в Академию наук и выдвигались кандидаты, то выходил председатель комиссии и озвучивал мнение Алиева по каждой кандидатуре. А от него зависел бюджет академии.

Когда-то, в начале 50-х годов, я зашел к Л.С. Лейбензону, он болел и лежал в кровати. Я стал выписывать на доске какие-то свои формулы, а он подал мне лист бумаги, на котором от руки было написано представление в академию. Я взял и, что называется, засунул ее «под сукно». И сколько Леонид Самуилович не настаивал на продвижении этой записки, я отказывался, так как полагал, что недостойн членства в академии. Я всегда считал, что в эту организацию должны входить люди, внесшие значительный вклад в мировую науку. Подчеркиваю – в мировую. Свой вклад я оцениваю скромнее.

Однако есть еще одно обстоятельство, которое препятствовало мне баллотироваться в академики. Как-то у историка Алексея Ивановича Яковлева, вышедшего из тюрьмы, спросили о самой глубокой мысли, к которой он пришел за годы тюремных раздумий. Он подумал и сказал, что эта мысль написана в каждом трамвае под окном: «Не высовывайся!». Дело в том, что от избранного в академию требовали гласной и, что самое главное, однозначной оценки всех мероприятий и акций правительства: громогласно травить Сахарова, провозглашать заслуги Лысенко и т.п. А я всегда хотел оставаться свободным человеком, по крайней мере, в своих взглядах.

В конце беседы Владимир Николаевич подчеркнул, что он считает себя все-таки математиком, и поделился своими планами. Он хотел напечатать в «Нефтяном хозяйстве» свою последнюю, как он сам сказал, работу. Ее обдумывание началось еще в 50-х годах, но написание откладывалось из-за необычности темы. Владимир Николаевич хотел рассчитать движение воды от нагнетательной скважины к добывающей. Расчеты исходили из упрощенных параметров и относились к области фундаментальной науки, но они позволяли, по его словам, выделить «очень интересные математические закономерности». Суть статьи заключена в названии: «Математика позволяет точно и красиво решать сложные задачи разработки нефтяных месторождений». Математик Щелкачев остался верен себе до конца жизни.

Беседу записал и обработал Ю. Евдошенко